

Н. И. Костомаров

**Русская история в
жизнеописаниях ее
главнейших деятелей**

Том 2 (продолжение)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. И. Костомаров**
Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: Том 2 (продолжение) / Н. И. Костомаров – М.: Книга по Требованию, 2026. – 712 с.

ISBN 978-5-458-55180-9

Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. XVIII столетие.

ISBN 978-5-458-55180-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

XV.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

I.

Дѣтство и юность Петра, до начала Шведской войны.

Петръ Великій родился въ Москвѣ, 30-го мая 1672 года, ночью, и былъ крещенъ 29-го іюня того же года въ Чудовомъ монастырѣ. Его появленіе на свѣтъ было привѣтствуемо родителями съ особенною радостью. Три дня сряду служили благодарственные молебны, стрѣляли изъ пушекъ. Благодушный царь, по своему обычаю, жаловалъ своихъ ближнихъ людей, прощалъ казенные долги, отмѣнялъ и смягчалъ наказаніе преступникамъ, а послѣ крестинъ угощалъ дважды въ своемъ дворцѣ сановниковъ и выборныхъ людей изъ Москвы и другихъ городовъ, пріѣзжавшихъ съ дарами. Даже въ народныхъ великорусскихъ пѣсняхъ осталось воспоминаніе о всеобщей радости и торжествѣ при рожденіи царевича, которому впоследствии суждено было стать первымъ русскимъ императоромъ. Быть можетъ, царь Алексѣй Михайловичъ придавалъ такое значеніе рожденію младшаго сына потому, что изъ оставшихся у него двухъ сыновей отъ первой жены одинъ былъ больной, другой малоумный, и самъ царь будучи еще не старъ, могъ дожидаться, что новорожденный сынъ отъ второй жены, возрастая, покажетъ большія способности, чѣмъ другіе его сыновья.

Первое воспитаніе царевича началось по обычному придворному чину, но какъ только дитя вступило въ тотъ возрастъ, когда его стали занимать игры, въ немъ начала проявляться рѣдкая воспримчивость, живость и склонность къ забавамъ, носившимъ военный характеръ. Любимыя игрушки, на которыя онъ бросался, были: знамена, топоры, пистолеты, карабины, сабли, барабаны. Царевича, по обычаю, окружили такъ-называемыми „ро-

бятками“ изъ ровесниковъ, набранныхъ изъ дѣтей знатныхъ родовъ; они составляли около него полкъ. Петръ, будучи трехъ лѣтъ отъ роду, игралъ съ ними въ „воинское дѣло“, а обученіемъ и дисциплиной этого дѣтскаго полка, по царскому порученію, назначенъ былъ иноземецъ Павелъ Гавриловичъ Менезіусъ. Родомъ онъ былъ шотландецъ, искатель приключеній; въ молодости палъ на Европѣ, убилъ въ Польшѣ на дуэли мужа одной пани, съ которой былъ въ связи, былъ взятъ въ плѣнъ русскими, обласканъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и женился на вдовѣ извѣстнаго Марселиса, основателя желѣзныхъ заводовъ въ Россіи. Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ Менезіуса, человека ловкаго, бывалаго, говорившаго на многихъ языкахъ, и посылалъ его по важнымъ дипломатическимъ сношеніямъ посломъ къ папѣ. Менезіусъ получилъ свое мѣсто при царевичѣ по возвращеніи изъ Рима. Мы не знаемъ подробностей обращенія Менезіуса съ царевичемъ, но ему принадлежитъ зародышъ той горячей любви къ иноземцинѣ, которая начала проявляться у воспріимчиваго Петра еще съ дѣтскихъ лѣтъ.

По смерти Алексѣя Михайловича, съ ссылкой Матвѣева, Менезіусъ былъ отдаленъ отъ Петра и посланъ въ Смоленскъ, но потѣхи, имѣвшія военный характеръ, продолжались; товарищи дѣтскихъ игръ выросли вмѣстѣ съ царевичемъ, и съ годами ихъ потѣхи принимали прямо характеръ воинскаго обученія: деревянные ружья и пушки замѣнялись настоящими; царевичъ строилъ съ ними городки, брать ихъ штурмомъ, возводилъ окопы, упражнялся въ военныхъ приемахъ. Между тѣмъ, его начали учить грамотѣ. Учителемъ былъ ему назначенъ, 12 марта 1677 года, дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ. Петръ учился быстро читать и писать, выказывая необычайную понятливость. Зотовъ знакомилъ его съ русской исторіей, рассказывая о дѣяніяхъ Владимира Св., Александра Невскаго, царя Ивана Грознаго и Алексѣя Михайловича, объяснялъ ему, сколько самъ умѣлъ, какія есть на свѣтѣ разныя науки, полезныя для государей. Расширенію знаній царевича содѣйствовали, бывшія въ то время въ ходу, потѣшныя книги и картинки, составляемыя съ цѣлью забавы, но заключавшія въ себѣ много разнообразныхъ предметовъ, съ которыми дитя могло знакомиться, напримѣръ, знаменитыя зданія, города, корабли, историческія событія, а также астрономическія явленія. Съ жадностью бросался царевичъ на все новое, все желалъ узнать, и тогда уже порывался видѣть въ дѣйствительности то, о чемъ ему сообщали книги и картинки; самъ хотѣлъ созидать города, прекрасныя зданія, брать крѣпости, водить полки и

плавать по морю. Обыкновенное мѣстопробываніе Петра, вмѣстѣ съ матерью, было село Преображенское.

Десяти лѣтъ отъ роду царевичъ былъ вырванъ судьбою изъ своего уединенія: его посадили на престолъ; а вслѣдъ затѣмъ воспримчивый отрокъ былъ свидѣтелемъ кровавыхъ сценъ, убійства дяди и Матвѣева, униженія матери и всѣхъ ея родныхъ, наконецъ долженъ былъ по волѣ подученной стрѣлцкой толпы раздѣлить съ полоумнымъ братомъ вѣнецъ, возложенный на него выборомъ всей Русской Земли: правленіе перешло въ руки сестры, не терпѣвшей его матери. Въ эти ужасныя минуты молодой Петръ показалъ необыкновенную для его лѣтъ твердость и безстрашіе. Но эти минуты оказали печальное вліяніе на его характеръ: онъ, безъ сомнѣнія, положили въ эту гениальную, гигантскую натуру зародышъ жестокости, свирѣпости.

Во время правленія Софіи Петръ продолжалъ проживать съ матерью въ Преображенскомъ селѣ. Его воспитаніе было совершенно заброшено. Учителя, Никиту Моисеевича Зотова, отъ него удалили; другого ему не дали; онъ проводилъ время въ потѣхахъ, окруженный ровесниками безъ всякихъ дѣльныхъ занятій: такая жизнь, конечно, испортила бы и изуродовала всякую другую натуру, менѣе даровитую. На Петра она положила только тотъ отпечатокъ, что онъ, какъ самъ послѣ сознавался, не получилъ въ отроческихъ лѣтахъ тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы для прочнаго образованія. Черезъ это небреженіе Петру приходилось учиться многому уже въ зрѣломъ возрастѣ. Сверхъ того проведенное такимъ образомъ отрочество лишило его той выдержки характера въ обращеніи съ людьми, которая составляетъ признакъ образованнаго человѣка. Петръ съ отроческихъ лѣтъ усвоилъ грубыя привычки окружавшаго его общества, крайнюю несдержанность, безобразный разгулъ.

Однако необыкновенно даровитая натура не могла измелъчать въ томъ отсутствіи всякихъ умственныхъ интересовъ, на которое она была осуждена; собственною силою пробилъ она себѣ выходъ. Петра ничему не учили, но не могли убить въ немъ врожденной любознательности. Впослѣдствіи Петръ самъ сообщалъ о тѣхъ случаяхъ, которые направили его на избранную дорогу. Будучи четырнадцати лѣтъ отъ роду, онъ услышалъ отъ князя Якова Долгорукаго, что у послѣдняго былъ такой инструментъ, „которымъ можно брать дистанціи или разстоянія, не доходя до того мѣста“. Молодой царь пожелалъ видѣть инструментъ, но Долгорукій отвѣтилъ, что онъ украденъ. Царь поручилъ купить себѣ такой инструментъ во Франціи, куда Долгорукій ѣхалъ посломъ.

Въ 1688 году Долгорукій привезъ изъ Франціи астролябію и готовальню съ математическими инструментами. Вокругъ царя не было ни одного человѣка, кто бы имѣлъ понятіе, что это такое. Царь обратился къ нѣмцу-доктору, но и тотъ не умѣлъ владѣть инструментами, а отыскалъ голландца Франца Тиммермана, который объяснилъ царю значеніе привезенныхъ вещей. Царь приблизилъ къ себѣ Тиммермана и началъ учиться у него ариметикѣ, геометріи и фортификаціи. Учитель былъ небольшой знатокъ своего дѣла, но ему достаточно было сдѣлать Петру указанія: талантливый ученикъ самъ до всего добирался. До какой степени предшествовавшее воспитаніе Петра было залущено, показываетъ то, что, учась на шестнадцатомъ году четыремъ правиламъ ариметики, онъ не умѣлъ правильно написать ни одной строки, и даже не зналъ, какъ отдѣлать одно слово отъ другого, а писалъ три-четыре слова вмѣстѣ, съ безпрестанными описками и недописками.

Спустя нѣсколько времени, Петръ въ селѣ Измайловѣ, на Лыняномъ дворѣ, гуляя по амбарамъ, разсматривалъ старыя вещи, принадлежавшія двоюродному брату царя Михаила Ѳеодоровича, Никитѣ Ивановичу Романову, отличавшемуся въ свое время замѣчательною любознательностью. Здѣсь онъ увидѣлъ иностранное судно и спросилъ о немъ Франца Тиммермана. Тотъ могъ сказать ему только то, что это англійскій ботъ, который употребляется при корабляхъ и имѣетъ то преимущество передъ русскими судами, что ходитъ на парусахъ не только за вѣтромъ, но и противъ вѣтра. Петръ спросилъ: есть-ли такой человѣкъ, который бы починилъ и показалъ ему ходъ судна? Тиммерманъ сказалъ, что есть такой человѣкъ, и напелъ Петру голландца Христіана Бранта (Карштень Бранта, какъ называется его Петръ). Царь Алексѣй Михайловичъ задумалъ построить корабль и спустить въ Астрахани; для этого призваны были изъ Голландіи мастера. Построенный и спущенный въ Астрахани корабль былъ уничтоженъ Стенькою Разиннымъ. Мастеровые разсѣялись, а одинъ изъ нихъ — корабельный плотникъ, этотъ самый Карштень Брантъ, проживалъ въ Москвѣ и кормился столярною работою.

Брантъ, по приказанію царя, починилъ ботъ, придѣлалъ мачту и паруса, и въ присутствіи Петра лавировалъ на рѣкѣ Яузѣ. Петръ дивился такому искусству, и самъ нѣсколько разъ вмѣстѣ съ Брантомъ повторялъ этотъ опытъ, но не всегда удачно: ботъ съ трудомъ поворачивался и упирался въ берега, потому что русло было слишкомъ узко. Петръ приказалъ перевезти ботъ на Просняной прудъ въ селѣ Измайловѣ, но и тамъ плаваніе оказалось

не совсѣмъ удобнымъ. Тогда Петръ узналъ, что озеро подъ Переяславлемъ будетъ для его цѣли подходящимъ. Оно имѣло въ окружности тридцать верстъ, а глубина его достигала шести сажень. Петръ выпросился у матери на богомолье къ Троицѣ, съѣздивъ въ Переяславль, осмотрѣлъ озеро, и оно очень ему понравилось. По возвращеніи въ Москву онъ упросилъ мать отпустить его снова въ Переяславль, чтобы тамъ заводить суда. Царица не могла отказать горячо любимому сыну, хотя сильно была противъ такихъ затѣй изъ боязни за его жизнь. Петръ, вмѣстѣ съ Брантомъ, заложилъ верфь при устьѣ рѣки Трубежа, впадающаго въ Переяславское озеро, и тѣмъ положилъ начало своему кораблестроенію.

Въ то же время потѣхи Петра съ ровесниками начинали принимать нешуточный характеръ. Петръ набиралъ въ число потѣшныхъ охотниковъ всякаго званія, и въ 1687 году изъ нихъ составилось два правильныхъ полка, названныхъ по имени двухъ царскихъ подмосковныхъ селъ: Преображенскимъ и Семеновскимъ. Нравилось Петру плаваніе на судахъ по водѣ; любилъ онъ и военныя упражненія, и съ помощью потѣшныхъ соорудилъ онъ на Яузѣ земляную крѣпость съ орудіями, и далъ ей иностранное названіе Пресбурга.

Софія и ея сторонники старались представить эти потѣхи молодого царя сумасбродными дурачествами; сама мать Наталья Кирилловна не видѣла въ нихъ ничего, кромѣ забавы пылкаго юноши и думала остепенить его женитьбою: она нашла ему не вѣсту, молодую и красивую дѣвицу Евдокію Лопухину. Отецъ ея, окольникій Ларіонъ, былъ переименованъ въ Ѳедора. Свадьба совершилась 27 января 1689 года. Петръ не имѣлъ никакого сердечнаго влеченія къ своей супругѣ и женился изъ угожденія матери, женился такъ, какъ женилась большая часть людей того времени. Мать надѣялась, что молодой человѣкъ, женившись, начнетъ вести ту жизнь, которая считалась приличною для царя и важныхъ особъ. Но Петръ вскорѣ послѣ женитьбы, какъ только начали вскрываться рѣки, поскакалъ въ Переяславль и тамъ занялся постройкою судовъ. Мать хотѣла отвлечь его и требовала его возвращенія въ Москву подъ предлогомъ панихиды по царѣ Ѳедорѣ: „изволила мнѣ приказывать быть въ Москвѣ“, писалъ Петръ матери, „и я быть готовъ, только, ей-ей, дѣло есть“ Мать настойчиво требовала, чтобы онъ ѣхалъ въ столицу. Петръ повиновался, пріѣхалъ въ Москву, но черезъ мѣсяцъ опять ускоркалъ на Переяславское озеро. Любя свою мать, онъ въ письмахъ своихъ дѣлился съ нею удовольствіемъ, какое испытывалъ

отъ успѣха своего дѣла. „У насъ“, писалъ онъ, — „все молитвами твоими здорово, и суды удались всѣ зѣло хороши“ Но царица Наталія не понимала порывовъ своего сына и притомъ боялась враждебныхъ замысловъ Софьи. Она звала его снова въ Москву. Молодая супруга также скучала о немъ, писала къ нему, называла его „своей радостью“, „свѣтомъ“, „лапушкой“, просила прїѣзжать или позволить ей прїѣхать къ нему. Петръ, вызванный настоятельными требованіями матери, лѣтомъ съ неохотою вернулся въ Москву. Вслѣдъ затѣмъ осенью былъ открытъ заговоръ стрѣльцовъ. Петру уже было не до кораблей; спасаясь отъ явной смерти, онъ бѣжалъ къ Троицѣ, и оттуда, при помощи русскихъ служилыхъ людей, уничтожилъ правленіе Софьи и сталъ на самомъ дѣлѣ самодержавнымъ государемъ. Съ этихъ поръ началась его непрерывная самобытная дѣятельность.

Въ числѣ разныхъ иностранцевъ, прїѣхавшихъ съ Гордономъ къ Петру во время его пребыванія у Троицы, былъ и Францъ Яковлевичъ Лефортъ. Онъ былъ родомъ женевецъ, сынъ зажиточнаго гражданина, занимавшагося торговлей. Въ молодости онъ отправился въ Голландію, оттуда въ Данію, учился военному искусству и съ датскимъ посланникомъ прибылъ въ Архангельскъ, искать счастья въ Московскомъ Государствѣ. То было еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1675 году. Лефортъ скоро выучился по русски, женился въ Россіи на иноземкѣ, дочери богатой вдовы Соге; подобно другимъ иноземцамъ, служилъ въ войскѣ, получая за службу чины, пользовался расположеніемъ временщика князя Василя Васильевича Голицына, передъ которымъ ходатайствовалъ за Лефорта женевскій сенатъ, но, впрочемъ, не выдался ничѣмъ особеннымъ. Любознательный Петръ вообще естественно привязывался къ иностранцамъ, такъ какъ отъ нихъ только могъ получать отвѣты на свои разспросы, и такъ какъ они болѣе русскихъ могли сочувствовать его страсти къ пововведеніямъ, которая въ немъ уже проявлялась. Но никто изъ иноземцевъ до такой степени не понравился Петру, какъ Лефортъ. По свидѣтельству знавшихъ его лично, это былъ человѣкъ мало свѣдущій, но зато умѣвшій обо всемъ хорошо говорить, человѣкъ веселаго нрава и необыкновенно пріятный собесѣдникъ. Въ этомъ качествѣ, столько сродномъ племени, къ которому принадлежалъ Лефортъ, и заключается причина, почему Петръ привязался къ этому человѣку. Лефортъ обладалъ рѣдкимъ житейскимъ тактомъ. Пользуясь благосклонностью и привязанностью царя, онъ никому не вредилъ, не имѣлъ того высокомѣрія, которымъ вообще вооружали противъ себя русскихъ живущіе среди нихъ иностранцы: Лефортъ, зна-

кома Петра своими рассказами съ культурнымъ ходомъ европейской жизни, отнюдь не старался своимъ вліяніемъ выводить впередъ иностранцевъ передъ русскими; напротивъ, совѣтовалъ приближать къ себѣ русскихъ, возвышать ихъ, и самъ постоянно казался преданнымъ пользѣ страны, въ которой нашелъ себѣ новое отечество. Если Лефортъ мало имѣлъ основательныхъ свѣдѣній въ военномъ устройствѣ и въ кораблестроеніи, за то съ жаромъ и съ восторгомъ говорилъ объ этомъ передъ Петромъ, и располагалъ Петра къ усвоенію наружныхъ признаковъ иноземнаго строя. Такимъ образомъ, подъ его вліяніемъ, Петръ пристрастился къ иноземному платью. Рассказываютъ, что Лефортъ самъ лично являлся передъ Петромъ то въ той, то въ другой военной формѣ, съ позволенія Петра переодѣлъ русскихъ солдатъ въ иноземные мундиры, обучалъ ихъ въ глазахъ царя военнымъ эволюціямъ и приводилъ его въ восторгъ. Царь самъ нарядился въ иноземное военное платье и вздумалъ пройти всю военную службу, начиная съ малыхъ чиновъ, самъ учился всякимъ приемамъ военнаго искусства, и, при необыкновенной своей воспріимчивости, скоро приобрѣталъ навыкъ владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ, устраивать понтоны, мины, копать шанцы и пр. Вскорѣ по своему сближеніи съ Лефортомъ, Петръ произвелъ его въ генералъ-маіоры, устраивалъ съ нимъ примѣрные битвы, которыя были разомъ и потѣхами, и средствомъ обученія. Эти потѣхи не обходились, однако, даромъ; на одномъ изъ подобныхъ примѣрныхъ сраженій лопнувшая ручная граната опалила лицо царю и ранила многихъ офицеровъ. На другомъ такомъ сраженіи, происходившемъ 4 сентября 1690 года, было много раненыхъ, и самъ генералъ Гордонъ, съ поврежденной ногой и обожженнымъ лицомъ, послѣ того пролежалъ съ недѣлю въ постелѣ. На слѣдующій годъ, осенью, потѣхи этого рода приняли еще болѣшіе размѣры. Царь приказалъ построить близъ села Преображенскаго земляное укрѣпленіе, названное имъ Пресбургомъ, раздѣлилъ войска на двѣ половины: одна должна была защищать укрѣпленіе, другая—взять его. На этой примѣрной битвѣ было еще болѣе раненыхъ, чѣмъ прежде, а одинъ изъ ближнихъ людей царя, Иванъ Долгорукій, лишился жизни. За такими потѣхами слѣдовали шумные пиры. Лефортъ по этой части былъ дорогой человѣкъ для царя: никто не умѣлъ лучше его устроить пиры. Онъ ввелъ Петра въ иноземное общество въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ царь нашелъ полную непринужденность обращенія, противоположную русской старинной чопорности. Тамъ господствовалъ самый широкій разгулъ: пили вино до безобразія, пля-

сали до упаду. Иногда по два, по три дня пиروвали безъ устали, не ложась спать. Женщины участвовали въ этихъ кутежахъ, придавая имъ своимъ присутствіемъ живость и разнообразіе. Петръ пилъ безъ мѣры, но при своей необычайно крѣпкой натурѣ скоро протрезвлялся и принимался съ большимъ жаромъ за работу, въ то время когда другіе послѣ подобнаго пира долго не могли оправиться. Въѣстѣ съ иноземцами пиروвали съ царемъ и русскіе. Пиръ эти происходили главнымъ образомъ въ домѣ Лефорта, иногда же у Гордона и у близкихъ любимцевъ царя: Льва Нарышкина, Бориса Голицына, Петра Васильевича Шереметева. Царь со всѣми обращался запросто, какъ равный всѣмъ другимъ собесѣдникъ, но иногда какое-нибудь не впадѣ сказанное слово приводило его въ такой гнѣвъ, особенно когда его природная горячность усиливалась выпитымъ виномъ, что всѣ умолкали и дрожали отъ страха. Одинъ только Лефортъ умѣлъ въ эти минуты успокоить и развлечь царя. Гнѣвъ царя проходилъ скоро, и онъ снова дѣлался веселымъ; кругомъ снова все веселилось и шумѣло; на дзорѣ зажигались разноцвѣтные потѣшныя огни, пускались ракеты. Въ продолженіе святокъ и масленицы, Петръ со своей компаніей ѣздилъ въ дома вельможъ и богатыхъ купцовъ славить Христа, вездѣ пилъ, веселился и получалъ дары по старому русскому обыкновенію. Въ эти молодые годы своей жизни онъ положилъ начало юмористическому учрежденію, которое поддерживалъ всю свою жизнь. Это былъ такъ называемый „всепутнѣйшій, всепьянѣйшій и сумасброднѣйшій соборъ“, состоявшій изъ ближнихъ къ царю лицъ: то была пародія на церковную іерархію. Бывшій учитель Петра, Никита Моисеевичъ Зотовъ, былъ названъ „всепутнѣйшимъ патріархомъ или князь-папою“ Князь Ѳеодоръ Ромодановскій былъ названъ кесаремъ, другіе придворные получили въ насмѣшку титулы владыкъ разныхъ городовъ, а самъ Петръ носилъ титулъ протодіакона. Цѣль этого собора состояла въ усердномъ служеніи Бахусу и въ частомъ обхожденіи съ крѣпкими напитками; предаваться пьянству и обжорству на засѣданіяхъ этого собора сдѣлалось обычнымъ; способъ выраженія отличался самымъ грубымъ цинизмомъ.

Разгульная жизнь Петра отразилась и на его семейныхъ отношеніяхъ. Лефортъ сблизилъ Петра съ семействомъ Монсовъ, гдѣ было двѣ дочери; Петру сильно приглянулась одна изъ нихъ— Анна. Умная, кокетливая нѣмка умѣла привязать его къ себѣ тѣмъ наружнымъ лоскомъ обращенія, котораго недоставало русскимъ женщинамъ. Петръ съ этихъ поръ не взлюбилъ жены

своей, чуждался домашнего очага, но принужденъ былъ сдерживать себя, пока жива была его мать.

Дѣло мѣшалось съ бездѣльемъ. Съ лѣта 1689 года Петръ оставилъ свои переяславскія кораблестроительныя работы, хотя въ Переяславлѣ мастеръ Карштенъ Брантъ, по царскому приказанію продолжалъ строить суда и построилъ два малыхъ фрегата и три яхты. Царь въ это время, между прочимъ, упражнялся въ постройкѣ небольшихъ гребныхъ судовъ на Москвѣ-рѣкѣ. Въ концѣ лѣта 1691 года, онъ снова отправился въ Переяславль и заложилъ первый русскій военный корабль, поручивъ постройку его Ѳеодору Юрьевичу Ромодановскому, назвавши его адмираломъ еще не существовавшего флота. На другой годъ корабль былъ готовъ и спущенъ на воду въ присутствіи двухъ царей и двора. Усиленные труды и неумѣренные кутежи подорвали-было здоровье Петра. Онъ заболѣлъ такъ опасно, что чуть было не умеръ, и близкіе къ нему люди собирались на случай его смерти тотчасъ бѣжать изъ Россіи, зная, что Софія, взявши снова въ свои руки правленіе, не пощадитъ ихъ. Но сильная натура Петра взяла верхъ, онъ выздоровѣлъ и съ прежнимъ увлеченіемъ принялся за свое дѣло.

Переяславское озеро было слишкомъ тѣсно. Петръ лѣтомъ въ 1693 году отправился въ Архангельскъ, чтобы видѣть море и устройство купеческихъ кораблей, приходившихъ въ этотъ единственный русскій портъ. Царь съ большимъ любопытствомъ осматривалъ суда, всякіе иноземные товары, привозимые изъ Европы, обо всемъ разспрашивалъ и тутъ же дѣлалъ соображенія о заведеніи русскаго флота и расширеніи торговли. При посредствѣ сопровождавшаго его Лефорта, Петръ заказалъ большой корабль, поручивъ его снаряженіе амстердамскому бургомистру Витцену. Кромѣ того, начата была постройка двухъ кораблей въ самомъ Архангельскѣ. Совершивши небольшое плаваніе по Бѣлому морю—первое морское плаваніе Петра—онъ воротился въ Москву осенью.

Въ январѣ 1694 года скончалась царица Наталья Кирилловна. Петръ жалѣлъ и плакалъ о ней, потому что любилъ ее; но смерть матери совершенно развязала ему руки. Онъ съ жаромъ принялся за дѣло кораблестроенія, приказалъ заранѣе отправить въ Архангельскъ оружіе, порохъ, снасти, изготовить досчаники для плаванія по Двинѣ. 29-го апрѣля, Лефортъ далъ у себя прощальный пиръ съ музыкою и барабаннымъ боемъ, но безъ танцевъ, по причинѣ недавней семейной потери царя. Вслѣдъ затѣмъ царь отправился съ четырьмя-стами ближнихъ людей въ Архангельскъ. Уже плывя по Двинѣ, Петръ тѣшился, называя

досчаники флотомъ, и выдумалъ для этого флота особый русскій флагъ: красный, синій и бѣлый, оставшійся до сихъ поръ русскимъ флагомъ. Къ величайшему удовольствію Петра, одинъ изъ строившихъ въ Архангельскѣ кораблей уже былъ готовъ и спущенъ на Двину 20-го мая. Царь на этомъ кораблѣ пировалъ и угощалъ иностранныхъ мастеровъ, строившихъ корабль. 30-го мая, царь отправился въ Соловки на яхтѣ, названной Св. Петромъ. На пути сдѣлалась такая страшная буря, что всѣ готовились къ смерти и причащались св. Тайнъ изъ рукъ архіерея, сопровождавшаго царя; къ счастью, напелся отважный лодманъ, Сумской вѣси крестьянинъ Антипъ Пановъ. Онъ вызвался провести судно среди подводныхъ камней въ Унскую губу и съ успѣхомъ исполнилъ свое дѣло. Яхта счастливо пристала къ Пертоминскому монастырю.

Опасность, испытанная Петромъ, не только не охладила его, но еще болѣе пристрастила къ водѣ. Благополучное возвращеніе въ Архангельскъ послужило поводомъ къ веселью на нѣсколько дней. 28-го іюня, спущенъ былъ второй корабль, построенный въ Архангельскѣ. Петръ опять пировалъ на радости. 21-го іюля прибылъ корабль, заказанный въ Голландіи. Это дало поводъ еще къ большому торжеству, и Петръ по этому случаю писалъ въ Москву къ Виніусу, что у нихъ „Бахусъ почитается и своими листьями заслоняетъ хотящимъ писать пространно“. Въ августѣ Петръ со своими кораблями опять пустился въ море. При плохомъ умѣнii управлять кораблями, царь снова подвергся опасности кораблекрушенія, но счастливо избѣжалъ его и воротился въ Архангельскъ. Съ этихъ поръ Петръ считалъ флотъ свой существующимъ, и назначилъ адмираломъ его своего любимца Лефорта. Вернувшись въ Москву, Петръ устроилъ сухопутную военную потѣху, примѣрное сраженіе при деревнѣ Кожуховѣ. Это была самая громкая и вмѣстѣ послѣдняя потѣха царя. Войско было раздѣлено на двѣ половины: одна — подъ начальствомъ Ѳедора Ромодановскаго, другая, непріятельская, подъ начальствомъ Бутурлина, разыгрывавшаго роль польскаго короля. Здѣсь, какъ на театрѣ, изображались всѣ приемы войны: военные совѣты, переговоры, копаніе минъ, постройка мостовъ, засыпаніе рововъ. Много было побитыхъ и раненыхъ. Петръ участвовалъ въ битвѣ въ чинѣ бомбардира, подъ именемъ Петра Алексѣева. Наконецъ, мнимый польскій король былъ взятъ въ плѣнъ, а потомъ все кончилось веселымъ пиромъ, устроеннымъ у генералиссимуса Ромодановскаго на счетъ знатнѣйшихъ купцовъ. Эта потѣшная война съ походомъ продолжалась около мѣсяца.